
**Гуманитарная наука переходного периода:
как создавалась кафедра истории и теории мировой культуры
философского факультета МГУ.**
**Беседа Н.А. Щипкова с деканом философского факультета МГУ
В.В. Мироновым**

© 2021 г. **В.В. Миронов**, Н.А. Щипков^{1*}

¹ *Российская академия живописи, ваяния и зодчества И. Глазунова,
Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 21.*

^{*} *E-mail: nik75e@gmail.com*

Поступила 02.11.2020

«Вопросы философии» публикуют одно из последних интервью декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, члена-корреспондента РАН, доктора философских наук В.В. Миронова, которое он дал своему ученику, преподавателю Российской академии живописи, ваяния и зодчества Н.А. Щипкову. В беседе речь идет о постсоветском идеологическом реформировании философского факультета и о создании нового гуманитарного направления – культурологии, – появление которого отразилось на методологическом ландшафте российской гуманитарной науки. Тридцать лет назад, благодаря инициативе ректора МГУ В.А. Садовниченко, организационным усилиям А.В. Панина, В.В. Миронова, В.Я. Саврея и таких деятелей политики и культуры, как Р.М. Горбачева и Д.С. Лихачев, на философском факультете Московского университета появилась кафедра истории и теории мировой культуры, сфера интересов которой всегда была необычайно близка и самому Владимиру Васильевичу – неслучайно одним из главных своих трудов он считал «Философию и метаморфозы культуры» – работу, посвященную не только проблеме культуры как таковой, но и месту гуманитарных наук в современном философском знании и образовании.

Ключевые слова: философия, философский факультет, культура, культурология, ИТМК, перестройка, деидеологизация, идеология, свобода, университет, диалог культур, В.А. Садовнический, В.В. Иванов, С.С. Аверинцев, Г.С. Кнабе, А.Я. Гуревич, В.В. Библихин.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-7-18

Цитирование: Гуманитарная наука переходного периода: как создавалась кафедра истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ. Беседа Н.А. Щипкова с деканом философского факультета МГУ В.В. Мироновым // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 7–18.

Humanitarian Sciences in the Transition Era: Creation of the History and Theory of World Culture Department of Moscow State University. The Conversation of V.V. Mironov and N.A. Shchipkov

© 2021 Vladimir V. Mironov, Nikolay A. Shchipkov^{1*}

¹ *The Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture,
21, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

* *E-mail: nik75e@gmail.com*

Received 02.11.2020

“Voprosy filosofii” publishes one of the last interviews of the Dean of the faculty of philosophy of Lomonosov Moscow State University, associate member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy V.V. Mironov, which he gave to his student, lecturer of The Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture N.A. Shchipkov. The conversation focuses on the post-Soviet ideological reform of the faculty of philosophy and the creation of a new social science – cultural studies – the emergence of which has affected the methodological landscape of Russian Humanities. Thirty years ago, thanks to the initiative of the rector of Moscow State University V.A. Sadovnichy, organizational efforts of A.V. Panin, V.V. Mironov, V.Y. Savrei and other political and cultural figures such as R.M. Gorbacheva and D.S. Likhachev, the department of History and Theory of World Culture appeared at the faculty of philosophy of Moscow University. Its field of study has always been extremely close to Vladimir Vasilyevich’s own scientific interests and it is no accident that he considered “Philosophy and metamorphoses of culture” to be one of his most important works; a work devoted not only to the problem of culture itself, but also to the place of the Humanities in modern philosophical studies and education.

Keywords: V.A. Sadovnichiy, V.V. Ivanov, S.S. Averintsev, G.S. Knabe, A.Ya. Gurevich, V.V. Bibikhin, philosophy, faculty of philosophy, culture, cultural studies, ITMK, perestroika, deideologization, ideology, freedom, university, dialogue of cultures.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-7-18

Citation: Mironov, Vladimir V., Shchipkov, Nikolay A. (2021) “Humanitarian Sciences in the Transition Era: Creation of the History and Theory of World Culture Department of Moscow State University. The Conversation of V.V. Mironov and N.A. Shchipkov”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2021), pp. 7–18.

Щипков: *Владимир Васильевич, 30 лет назад на философском факультете МГУ зашел разговор о необходимости создания структуры, которая могла бы объединить разные направления гуманитарного знания, создать контакты между филологами, лингвистами, историками и социологами. Результатом этих обсуждений стало появление на факультете кафедры истории и теории мировой культуры (ИТМК). Вы принимали непосредственное участие в этом процессе. Как Вы считаете, можно ли культурологию сегодня назвать полноценной, состоявшейся дисциплиной в отечественной науке?*

Миронов: На мой взгляд, само это понятие «культурология» не очень удачное (ныне покойный профессор нашего факультета В.В. Соколов даже шутил по этому поводу: «культ-урология»). В философии были и другие понятия, которые включали

в себя этот пласт проблематики, например науки о духе. Это более фундаментально, так как термин «культурология» нацеливает на более «поверхностное» изучение культуры. Здесь как бы отсутствует смысловой стержень.

Щипков: *Существуют и другие названия: «философия культуры» или «cultural studies».*

Миронов: «Философия культуры» – традиционный и очень хороший термин, четко отражающий саму программу исследований, но несколько смещающий акцент на фундаментальность и уводящий от практического исследования феноменов культуры. Именно философия культуры должна была стать смысловым стержнем хорошей культурологии, в том числе и стержнем не только научных исследований, но и образования. Но от него сознательно отказались при создании направления «культурология», так как термин «философия» в этот момент жестко ассоциировался с господствующей парадигмой философии как фундамента марксистско-ленинской идеологии. А от этого хотели оторваться. В то же время не хотели сводить культурологию и к некоему западному, так сказать, облегченному образцу – регионоведению, с «поверхностным» представлением о культурах той или иной страны, ибо здесь тогда исчезало само основание – то есть понимание феномена культуры как такового. Там, на Западе, – прагматика: музееведение, регионоведение и т.д. У нас же в силу обстоятельств в период, когда создавалась кафедра, попробовали создать некий синтетический вариант с базовым философско-филологическим основанием и выходом на исследование конкретных феноменов культуры во всем их многообразии. Поэтому и был выбран нейтральный термин – «культурология». Он казался удачным, потому что был как бы вне системы: интегрировал разные знания. Ужиться внутри нее могут все: и филологи, и философы, и музееведы, – получается широкая-широкая специальность. Сама история этой кафедры является интересной культурологической проблемой, позволяющей понять мотивы не только создания кафедры, но и социокультурную обстановку и условия того периода – перестройки.

Кафедру создавали в начале 90-х, как тогда говорили, «под имена». На ней в разное время работали такие ученые (называю лишь некоторых), как А.Я. Гуревич, М.Л. Гаспаров, Е.М. Мелетинский, С.С. Аверинцев, Г.С. Кнабе, А.Л. Доброхотов, Н.В. Брагинская, Т.Ю. Бородай, В.Н. Романов, В.В. Бибихин и В.В. Иванов, который и возглавил данную кафедру. Кроме того, на кафедру приглашались деятели культуры, которые не состояли в ее штате. Так, здесь прочел несколько лекций Ю.М. Лотман, работали А.В. Михайлов, О.А. Седакова, П.П. Гайденок и другие. Приезжали и зарубежные знаменитости, например Жак Деррида, Витторио Хёсле, Лев Копелев. Этим известным на весь мир учёным надо было где-то закрепиться в рамках новой интегративной проблематики, хотя каждый из них работал как специалист в тех или иных научных и образовательных структурах. Все они не были культурологами в узком смысле слова, так же как они не были и узкими специалистами в сфере филологии или истории. Они попытались создать некую интегративную дисциплину, на стыке многих не только гуманитарных, но и естественных наук, в центре которой стояло широкое исследование феномена культуры. Поэтому термин «культурология» был, с одной стороны, случайным и облегченным, а с другой – оторванным от возможных идеологических толкований. Как вспоминал А.Я. Гуревич, надо было «придумать что-то простое и доступное, ну и придумали “культурологию”...». В 1990 г. выходит приказ о создании кафедры, на которой были собраны сильнейшие ученые в области культуры на тот момент. И в этом исполнении «культурология» отражала данную установку, выходя за рамки каких-бы то ни было учебных планов. По сути, кафедра была центром, сфокусировавшим на себе в это время весь пласт исследований культуры: от семиотики до решения прикладных культурологических задач, от теории искусства до анализа особенностей музейной деятельности и т.д. Но уже в 1993 г. большинство из этих ученых «переманили» работать в РГГУ.

Слова, как это ни покажется банальным, небезобидны и могут оказывать обратное влияние на реальность. Так и произошло, когда культурология стала одной из образо-

вательных дисциплин. И как только она вышла за рамки нашего университета и РГГУ, она во многом превратилась в нечто иное. Появились стандарты – главный бич нашей образовательной системы, которые, по определению, не могли быть ориентированы на выдающихся ученых. Произошло типичное усреднение, которое не может быть задано «высшей планкой», и культурология превратилась именно в достаточно поверхностную дисциплину. Эта поверхностность преодолевается лишь конкретной содержательной работой самих ученых и преподавателей. И конечно, термин «философия культуры» – более правильный и строгий, особенно в рамках философского факультета, хотя он вовсе не исключает конкретных исследований культуры и их практических приложений, напротив, придает им единый смысл.

Щипков: *Почему для создания этой кафедры был выбран именно философский факультет?*

Мионов: Хороший вопрос. В Интернете даже гуляла версия, что это спецпроект КГБ. Специально соорудить некую отдушину для крупных ученых, и это должно быть именно на философском факультете, ибо он идеологический, а значит, исподволь может осуществлять некий контроль. Полная чушь, конечно, но отражает нашу вечную любовь к конспирологическим теориям.

Общий ответ здесь иной. Философия есть прежде всего свободное мышление и внутренняя свобода. А философский факультет представлял собою некий островок свободы в том смысле, что выходил за рамки общих, в том числе идеологических, предписаний. На факультете вообще имел место своеобразный «парадокс». Поскольку формально он считался идеологическим, то степень свободы внутри факультета была даже выше, чем на других факультетах, и студенты могли читать гораздо больше литературы, в том числе ту, которая была недоступна для других. Кроме того, погружение в философскую литературу – это погружение в самую философскую мысль, которая чрезвычайно многообразна и даже противоречива и тем самым стимулирует развитие внутренне свободного мышления, несмотря на внешние условия. Кстати, это сама по себе интересная ситуация. Ведь человек может оставаться свободным даже при самом жестком политическом режиме и быть абсолютно несвободным в условиях самой «оголтелой» демократии. Об этом когда-то писал Виктор Франкл, отмечая, что свобода индивида, конечно, не безгранична по отношению к внешним обстоятельствам, но всегда подразумевает собственное отношение к ним, которое может выбирать сама личность.

Я думаю, что в тот момент, о котором мы говорим, были предприняты шаги с двух сторон: со стороны университета и факультета – как демонстрация принятия иных условий общественного существования, которое в этот момент отходило от парадигмы жесткого идеологического режима, и со стороны крупных мыслителей – как акт доверия Университету, убежденности в том, что их научная и преподавательская деятельность будет востребована. Общая атмосфера в стране была проникнута духом свободы в целом. Как бы это ни показалось странным, я бы начал отсчет события с 1987 г., а именно со снятия Б. Ельцина с должности первого секретаря горкома Москвы. Для Москвы это было событие, которое привело к различного рода конфронтациям в обществе, в том числе и в МГУ. И вот именно в это непростое время тогда первый проректор (а с 1992 г. ректор) МГУ Виктор Антонович Садовничий начинает обсуждать проект создания такой кафедры, и именно на философском факультете. Она, кстати, была второй по счету: первая культурологическая кафедра, как ни странно, была создана в МВТУ им. Баумана.

У Виктора Антоновича невероятная работоспособность и громадная интуиция. Благодаря этому ему удалось осуществить почти все, что он задумал: от ремонта Главного здания (можете себе представить, что это значило в 90-е гг.) до блокирования попыток занять территорию университета под неуниверситетские проекты. Он смог приостановить попытку приватизации университета, что тоже было вполне реально. А уж как ему удалось развить инфраструктуру университета, открыть новые факультеты, включая такие, как факультет фундаментальной медицины, это особый рассказ.

Причем многое было сделано в периоды, когда власть, вообще-то говоря, не очень его поддерживала и МГУ находился в зоне риска. Он инициировал создание Союза ректоров, который приостановил многие безумные варианты реформы, вплоть до закрытия аспирантуры и прочее. Я бы мог об этом рассказывать очень долго, ибо поработал с ним как проректор по академической политике, но это другая тема.

Но вернемся к истории кафедры. В рамках автономии, которой ректор добился для МГУ, ему нужно было идти на серьезные шаги, и, как Вы понимаете, не только на нашем факультете. Здесь одним из его проектов как раз стала сначала кафедра ИТМК, а чуть позже Институт мировой культуры. В этот период истории кафедры он сыграл ключевую роль: приходил все время на факультет, принимал участие в обсуждениях внутреннего устройства и судьбы кафедры, «открывал» ее.

Помимо инициативной позиции В.А. Садовниченко здесь следует отметить и роль декана философского факультета Александра Владимировича Панина. Я тогда был его заместителем по учебной работе и также принимал в этом участие. Идея была поддержана академиками Д.С. Лихачевым, Б.В. Раушенбахом и Н.И. Толстым, которые имели выходы на правительство. Создание кафедры такого уровня в тот момент в каком-то смысле помогло защитить философский факультет от радикально настроенных демократов, которые выступали с требованием его закрытия как бывшего идеологического.

Большую роль в создании кафедры сыграл Валерий Яковлевич Саврей, сейчас профессор на нашем факультете, а тогда еще студент. За счет своей колоссальной энергии и целеустремленности ему удалось связать многих филологов и философов. Но, строго говоря, именно В.А. Садовничий принял решение о создании кафедры именно на философском факультете. Некоторые другие факультеты, в первую очередь филологи и историки, потом обижались на нас из-за этого. Это первое.

Второе. Ничего бы не получилось, если бы не позиция А.В. Панина. Почему? В этот момент на факультете сложилась сложнейшая ситуация, требующая почти радикальных изменений. Шел процесс деидеологизации. Факультет пытался освободиться от идеологического пресса. Напомню, что незадолго до начала этого процесса чуть было не открылся отдельный факультет научного коммунизма, а пока преподаватели этого направления все еще оставались частью факультета. Активное участие в деидеологизации принимали студенты. На факультете сложилась любопытная ситуация, когда прогрессивный деканат и поддерживающие его начинания студенты, молодые преподаватели и часть, можно сказать так, элитных преподавателей факультета были заодно. По сути, связь студентов в те времена с деканатом была в каком-то смысле большей, чем связь руководства факультета с преподавательским составом. Но что предложить вместо идеологии? И вот эта идея исследования культуры сквозь призму философии в союзе с филологией и историей оказалась не просто удачной, а почти идеальной. Она позволяла дистанцироваться от «кондовой» философии. Причем философия выполняла здесь интегрирующую функцию, поэтому вполне логично, что кафедра появилась именно на нашем факультете. Нельзя сбрасывать со счетов и стечение каких-то более субъективных, случайных вещей – в том смысле, что нашлись люди, которые поддержали эту идею, в том числе и в руководстве университета, и даже в руководстве страны. Сегодня, по прошествии некоторого времени, мы, может быть, даже по-новому осознаем эту «волю случая».

Еще любопытный момент. Места для кафедры на факультете не было, и она сначала ютилась в маленьком запасном кабинете, напротив кафедры логики в торце 11-го этажа первого гуманитарного корпуса. Почему вспоминаю об этом. Площадь этой комнатки была не более 5 квадратных метров, а там собирались довольно крупный по габаритам В.В. Иванов, А.Я. Гуревич, весьма плотный Е.М. Мелетинский и другие. По современным нормам, которые установлены как условие существования кафедры, да еще при отсутствии, по сути, какого-либо учебного плана, ибо лекторы читали то, что сами хотели, такая кафедра сегодня не могла бы быть открыта никогда. Правда, чуть позже кафедре отдали самый лучший кабинет, после того как оттуда был выселен партком. Само это действие, таким образом, носило весьма символический характер. Более того,

по решению кафедры, они ее освятили, и это осуществил известный тогда, говоря современным языком, оппозиционер протоиерей Дмитрий Дудко. Помнится, я был настроен к этому событию иронично, что, как ни странно, нашло одобрение у самого Дмитрия Дудко. Таким образом, место за столом парткома философского факультета, который имел в университете одну из самых крупных партийных организаций, занял В.В. Иванов, когда стал проводить здесь заседания кафедры.

Щипков: *Получается, что у истоков кафедры стояла личная инициатива нескольких заинтересованных людей?*

Миронов: В том числе. Об этом мало кто знает. Пробивная сила Валерия Яковлевича Саврея позволила ему донести эту идею на самый верх. Он встречался с советником по культуре Михаила Горбачева академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Ему также удалось встретиться с такой влиятельной фигурой, как Раиса Максимовна Горбачева, которая, кстати, окончила наш факультет. Все они поддержали идею, обещав ей политическую поддержку, причем очень мощную. До сих пор вспоминаю, как ко мне на квартиру на Ленинском проспекте в три часа ночи приезжал Саврей. У нас в семье тогда было уже два сына и совсем маленькая дочка Кристина. В разгар ночи мы на моей пишущей машинке печатали письмо Раисе Максимовне. Мы получили поддержку от Михаила Сергеевича Горбачева: шли революционные сдвиги в обществе, благодаря которым возникла возможность создать кафедру именно в МГУ и именно на философском факультете.

Кафедра была внутренне очень свободна. А поскольку мы пригласили на нее крупных ученых, она оказалась на особом положении. Как я уже сказал, профессора могли читать что хотели и как хотели, невзирая ни на какие программы – в любом варианте. Кафедра была неоднородной. Кого там только не было: и философы, и филологи, и историки. В ее работе активное участие принимал, например, Борис Викторович Раушенбах, крупнейший ученый-естественник, но одновременно и гуманитарий. Лекции по Данте читала замечательный поэт и переводчик Ольга Седакова. Эта разнородность позднее привела к определенным кризисам, но для студентов это было очень полезно.

Щипков: *Какие научные мотивы стояли за этим проектом?*

Миронов: Главной идеей было, конечно, рассмотреть европейскую культуру и выделить общие закономерности ее развития, а еще показать, что место России находится внутри именно европейской культуры. Здесь могло быть два основных подхода, и мы попытались представить на кафедре оба. Часть приглашенных ученых занимались, скажем так, конкретным историческим или конкретно-филологическим материалом. Другая часть рассматривала проблему культуры несколько шире, в рамках семиотического подхода. Я имею в виду, конечно, в первую очередь Юрия Михайловича Лотмана, которого мы пригласили из Тарту, или Вячеслава Всеволодовича Иванова, первого заведующего кафедрой. Несколько позже пришел Александр Львович Доброхотов, который в качестве историка философии привнес в деятельность кафедры более широкий философский подход.

Концептуальная схема у нас была, и мы даже написали под нее хорошую программу. Нам хотелось рассмотреть культуру как диалоговую мозаику. Георгий Степанович Кнабе говорил: мы не должны навязывать миру какую-то одну культуру. Действительно, он прав. Если бы мы с вами были богами, мы могли бы создать одну культуру, с одним языком, «одинаково одетую» – и было бы очень удобно, все друг друга понимали бы лучше. Однако это в принципе невозможно, и не только в силу того, что мы не боги. Бог библейского предания рассуждал схожим образом: он прервал строительство Вавилонской башни и вынудил людей говорить на разных языках, вместо одного, что стимулировало их расселение по миру, то есть по собственным областям языкового пространства. И это, как ни парадоксально, и усложнило общение между культурами, и, одновременно, разнообразило их. Культура – это всегда единство разнообразного, а не тотальное единство, которые ныне нам навязывает глобализация. В диалоге культур всегда присутствует напряжение. Как отмечал Лотман: чужой мне нужен точно так же, как и свой, а трудность понимания лишь стимулирует мое желание понять другого.

Поэтому центральной проблемой я считаю проблему диалога культур. В таком диалоге много непонятного. Но это непонятное столь же – а даже, может быть, и больше – нам необходимо, как и то, что с нами одинаково, что понятно. И кафедра занималась именно этим – вырабатывала систему, через которую можно описать диалог культур. Неслучайно потом во многих вариантах такой подход репродуцировался. В Санкт-Петербурге возник регулярный семинар «Диалог культур»; Владимир Якунин основал «Диалог цивилизаций».

Не тотальный, или даже тоталитарный, глобализм, а *понимание* другой культуры – вот что лежит в основе культурологии как науки о культуре, а философия при этом исследует более общие, иногда предельные основания культуры. Моя монография – «Метаморфозы культуры» – посвящена как раз этой проблематике. Неслучайно, покидая кафедру, Александр Львович Доброхотов вполне серьезно предлагал возглавить ее мне. Но, откровенно говоря, мне было жалко бросать свою кафедру онтологии и теории познания, хотя своя логика, безусловно, в этом была.

Щипков: *Владимир Вениаминович Бибихин пишет в своих воспоминаниях: «...кафедра опоздала на 25 лет. Я тогда хотел к Лосеву, Зализняку, Иванову, Аверинцеву, Топорову... Теперь уже нет». По Вашему мнению, кафедра опоздала? А может, наоборот, появилась на 25 лет раньше, чем было нужно?*

Мионов: Вы знаете, такое рассуждение не исторично. Появление подобной кафедры в стране доминирования жесткой идеологии – в конце 60-х или в годы застоя – было просто невозможно. Хотя нечто подобное ей, правда, в скрытой форме могло существовать на периферии, как, например, Тартуская школа и ей подобные. При этом в стране были прекрасные специалисты в области, которую можно назвать философией культуры, что совсем не случайно: в период господства идеологии ученые уходили в сферы, в которые «идеологическое око» проникало с большим трудом. Естественно, что одна из таких зон – это филология, базирующаяся на знании языков и текстов, которые слишком сложны для понимания «со стороны». Здесь можно было выбрать смысловую зону, которая в меньшей степени была доступна для поверхностной идеологической интерпретации или надзора, и в рамках этого реализовывать собственное свободное мышление.

В общем, случилось так, как случилось, и, на мой взгляд, весьма ко времени и к месту – в разгар перестройки, когда в целом роль гуманитариев резко повысилась, ибо они стали иметь больше выходов к широкому читателю. В развитии кафедры были свои проблемы, она не была, да и не конструировалась как единое целое, представляя собой собрание крупных ученых, которым дали возможность свободной работы. Это было непривычно и для них, и для их слушателей. Целостность этой кафедры обеспечивалась не организационными параметрами, а интересами индивидов, и такая система была достаточно уязвимой, как включенная в структуру учебного процесса, в котором всегда присутствует и рутинная часть работы. Любопытно: выше мы говорили о диалоге культур, а индивид – продукт такой культуры. Так вот, единство разнообразных индивидов, каждый из которых может представлять собой собственную вселенную, – очень сложная система с точки зрения управления. Между ними много общего, но столь же много, а наверняка и больше, их различающего. Представьте Арона Яковлевича Гуревича, Елеазара Моисеевича Мелетинского, Вячеслава Всеволодовича Иванова в рамках единого смыслового пространства. Это непросто. Думаю, что здесь, выражаясь метафорически, доминирует Другой, и зона непонимания высока: для внешнего наблюдателя все вместе они представляют некую целостность, а изнутри это – своеобразное единство противоположностей. То же самое было с Бибихиным, когда он подключился к работе на кафедре: у него здесь не сложились безоблачные отношения. Мне кажется, если применить аналогию, вряд ли Кант и Гегель смогли бы работать на одной кафедре. Разве что общим могло стать нечто рутинное и для всех одинаковое.

Но то было время экспериментов, время романтики, когда проекты удавалось достаточно быстро проводить в жизнь. С конца 80-х гг. я уже был заместителем декана

по учебной работе, и мы вместе со студентами, хочу особо это подчеркнуть, начали изменять структуру учебных планов. Мы начали тогда создавать наши знаменитые цикловые планы, дабы обойти регламентирующее единообразие министерских предписаний. И нам это удалось. Министерство образования в этот период, во главе с министром Геннадием Алексеевичем Ягодиным, находилось между двух огней. Его упрекали то в развале модели советского образования, то, напротив, в том, что он не проводит демократические реформы последовательно и быстро. Мне тоже не все импонировало в его деятельности, но была одна посылка, которую он озвучил на встрече в Политехническом музее (как тогда было принято, министры часто встречались с народом). Он говорил, что не нужно навязывать никаких учебных планов сверху, кроме общих принципов, и, главное, что ученые советы вузов лучше знают, что нужно преподавать студентам.

Мы воспользовались этим советом «сверху» и создали свой учебный план, в котором все кафедры были сгруппированы по предметным блокам: историко-философский блок (исторические кафедры и кафедра ИТМК), аксиологический блок (религиоведение, этика и эстетика) и логико-методологический (онтология, методология и логика). Это позволило так перегруппировать часы, что в каждом блоке доминировала своя группа кафедр, за счет уменьшения нагрузки по другим блокам. И что касается кафедры ИТМК, она получила возможность свободно вести очень много курсов по собственной тематике, что совпадало и с индивидуальными пожеланиями преподавателей. Я считаю, нам тогда удалось сделать гениальную в конечном счете вещь, которую мы до сих пор не можем повторить. Студент выбирал цикл. В результате он мог слушать что-то меньше, а что-то больше.

Щипков: *То есть он не был заложником какой-то одной кафедры.*

Миронов: Совершенно верно. Читалось как бы сразу два курса: одна онтология была для своего цикла – ее было на один семестр больше, – а другая онтология была для других циклов – ее было на семестр меньше. Все это давало студентам возможность выбирать.

Щипков: *С Вашей точки зрения, как общая обстановка в стране на тот момент повлияла на содержание работы кафедры ИТМК?*

Миронов: На кафедре долгие годы не было сквозного предмета в стандартном его понимании. По сути, здесь все подстраивалось под профессоров – каждый профессор был самостоятелен. Занимался Гуревич Средневековьем – он читал по Средневековью. Занимался Аверинцев христианством – он читал курс о христианстве. Занимался Толстой филологией – он читал курс по филологии. Занимался Вячеслав Всеволодович семиотикой – он читал курс по семиотике.

На эту ситуацию еще накладывалось и то, что в это время, время перестройки, в университет приезжало очень много людей, которые тоже читали здесь лекции: Жак Деррида, Умберто Эко, мать Тереза – которая, кстати, стала почетным членом кафедры, – Тур Хейердал. Эти лекции собирали полные актовые залы. Это был период прорыва если не в гуманитарной науке, то в гуманитарном образовании точно. И к чести В.А. Садовниченко руководство университета наши начинания поддерживало. Надо сказать, управление факультетом в такой обстановке было непростым, ибо в большей степени приходилось учитывать индивидуальные интересы, то есть больше работать содержательно, а не путем раздачи приказов и поручений. А для кафедры ИТМК была вообще создана почти полная свобода реализации собственных задумок. Это, впрочем, как и с афинской демократией, и стало в определенное время причиной ее кризиса. И конечно, очень многое зависело от конкретных людей. Тот же Бибахин, которого Вы упоминаете, ушел с кафедры, но мечтал продолжать чтение лекций вне ее. Он пришел тогда ко мне и попросил выделить аудиторию. И я выделил ему поточную аудиторию, в которой он читал свои известнейшие лекции – вне кафедры, вне факультета, а просто как Бибахин. На эти лекции ходили со всех факультетов нашего «Первого гума» и с других факультетов тоже. Вообще-то, я не имел права это делать таким образом: надо было согласовывать и т.д., и неизвестно, что было бы в результате.

Но я пошел на этот риск и считаю, что он полностью оправдался. Сегодня это было бы сделать гораздо труднее.

Щипков: *Как Вам кажется, стиль преподавания на кафедре в начале 90-х был связан с желанием компенсировать идеологические ограничения в советской гуманитарной науке? Или же это стало своеобразным отражением общемировых научных процессов той эпохи?*

Мионов: Сложно сказать. Судя по всему, внутри самой кафедры царила игровая атмосфера – как будто все происходит не по-настоящему, понарошку. В конце концов ведь что произошло? Кафедра в своем исходном состоянии просуществовала очень недолго. Заведующий кафедрой Вячеслав Иванов был постоянно за рубежом, приезжал редко – из-за чего страдало и качество, и количество его лекций. В конечном счете на кафедре осталось мало людей. Почему? Потому что их переманили. В то время полным ходом шло создание РГГУ. Юрий Афанасьев Московский университет называл консервативным, а свой – передовым. РГГУ хорошо финансировался правительством Москвы. Поэтому так и получилось – преподаватели, еще вчера клявшиеся в дружбе Московскому университету и философскому факультету, ушли – и ушли, иногда даже хлопнув дверью.

Позже, когда кафедру возглавил Доброхотов, началась волна возврата. Но период разрыва отношений был – для нас очень обидный: мы пытались воплотить мечту и сделали для этого очень много, а кому-то это казалось всего лишь игрой. Но не всем. Кто-то работал долго, пусть и на полставки. Это Арон Яковлевич Гуревич, Георгий Степанович Кнабе, тот же Бибахин. Я дружил с Кнабе, очень уважал его, и в трудное время все мы старались помочь ему чем могли: ухитрялись по более высокой ставке оплачивать его лекции, сами на машине привозили в университет, а затем доставляли домой.

Но постепенно министерство «вставало на ноги», устанавливало правила организации учебного процесса. Если бы сегодня кафедра ИТМК оставалась в таком виде, ее неизбежно закрыли бы как не отвечающую многим параметрам – например, формальному статусу преподавателей. Напомню, что Сергей Сергеевич Аверинцев стал профессором кафедры только благодаря ректору. У него не было на тот момент необходимых формальных данных: аспирантов и прочее. Ему всегда могли сказать: почему вы, а не другой? Но Виктор Антонович понимал значимость этой фигуры и закрыл глаза на формальности. Также мне трудно представить Аверинцева или Кнабе выполняющими предписанную ныне учебную нагрузку и планируемыми будущие публикации. По жестким наукометрическим критериям и прочим параметрам эффективности многие из той когорты не смогли бы работать в университете.

Сегодня кафедры в таком виде существовать не могут. Это, скорее, некая виртуальная модель, проект, в рамках которого будет возможно собрать группу людей и предоставить им свободу работы и чтения лекций, обеспечивая достойной зарплатой и не обременяя нагрузкой. Обязательность посещения лекций тут будет только мешать – к подобным преподавателям и так будут ходить. Вот, кстати, хорошая иллюстрация той романтической эпохи: помню, как студенты регулярно вывешивали прямо в коридоре плакат «наш любимый преподаватель». Без всякого указания сверху. Геннадий Георгиевич Майоров, кажется, несколько раз попадал на этот плакат. Для нашего факультета такого рода начинания были бы отличным подспорьем и сейчас.

Понятное дело, учебный процесс, так или иначе, нуждается в формализации: студент должен в качестве итога учебы получить оценки, диплом. Но, с другой стороны, иногда это формализуется настолько, что свободное университетское образование выхолащивается. Помните, почему у Канта в «Споре факультетов» философский стоит на первом месте, в отличие от трех других факультетов: медицинского, юридического и теологического? Потому что те факультеты догматичны, они преподают готовые знания, а философский факультет допускает свободу мышления и споры. Поэтому он «нижайший», то есть первый. Сначала все должны пройти через него. Здесь кроется серьезное противоречие между желанием свободы и необходимостью упорядочивания. Сломает ли упорядоченность свободу? Это философская проблема.

Щипков: Арон Яковлевич Гуревич в своих воспоминаниях «История историка», описывая создание кафедры, дает очень интересную формулировку: «Всё это совершилось не по указанию сверху, а по инициативе людей, проявивших волю. Причем это были не интеллектуалы старшего поколения, которые говорят: да, надо, надо, но не умеют ничего делать, а молодые люди». Как, по-вашему, почему желание что-то изменить появилось именно у молодых?

Миронов: Ответить Вам одним словом? Деидеологизация. Шел процесс разрушения идеологии, но понятно, что у старшего поколения было меньше веры в то, что произойдут какие-то изменения. И должен разочаровать Вас, а также не согласиться с Ароном Яковлевичем: без поддержки сверху, причем с самого верха, – и это особенности нашей страны – кафедра тоже вряд ли смогла бы открыться. Учтите, на факультете не все приняли ее появление и даже выступали против во время ее утверждения на Ученом совете МГУ.

Щипков: Интересно, а кто именно был против?

Миронов: Это не тайна – информация опубликована. Категорически против был Анатолий Александрович Старченко, в то время секретарь парткома. У него были свои аргументы: он считал, что кафедра не имеет своего предмета, что она эклектична – «собирает» предметы других кафедр, других факультетов. И надо сказать, доля истины в его доводах имелась, что, к сожалению, несколько позже и подтвердилось. Ревниво и болезненно открытие было принято такими кафедрами, как кафедры истории зарубежной философии, социальной философии и ряд других. Но в то время руководство факультета могло с большей степенью свободы воплощать собственное видение модели факультета.

Возвращаясь к ответу на Ваш предыдущий вопрос – на деле молодежи на кафедре было немного: Саврей, Романов, может быть, тот же Бибихин, достаточно молодой в то время. Да и Аверинцев был совсем не старый, строго говоря. И все же первоначально здесь был собран настоящий «генералитет». Много очень известных специалистов, как здесь, так и за рубежом. Подобное вообще редко в истории бывает: сколько разных выдающихся специалистов удавалось собрать за одним столом! В данном случае это не метафора – я был на заседаниях кафедры, где они именно что за одним столом и сидели. Ощущение фантастическое.

Щипков: По-моему, очевидно, что на кафедре, собравшей так много ученых и философов с совершенно разными взглядами на мироустройство и предмет культурологии, трения были неизбежны.

Миронов: Разумеется. Это были состоявшиеся ученые. Они, конечно, сохраняли добропорядочные отношения в рамках кафедры, но... Дело даже не в том, что существовал какой-то неразрешимый конфликт, а в том, что они предпочитали отойти в сторону. Они с удовольствием слушали друг друга, но при этом каждый занимался своей проблематикой, следуя своему научному интересу. Иногда случались выходы в соседнюю сферу – и зачастую ничего хорошего из этого не получалось. Серьезная проблема – когда человек схему изучения одного пытается наложить на совершенно другое.

Для студентов такое разнообразие тоже было одновременно хорошим и не очень хорошим, поскольку полифония в момент обучения может ведь быть и помехой, и не каждый способен в таком разнообразии разобраться и сформировать собственное отношение. Человеку надо в этом помогать. А статус преподавателей был здесь столь высок, что часто «снисходить» до конкретных студентов они объективно не имели возможности. А значит, мог исчезнуть стержень, который скрепляет все эти разрозненные знания. Нужна была и концепция культурологии, которой, как мне представляется, нет до сих пор.

Некоторые из крупных философов, особенно те, кто занимался сложными теоретическими вопросами, относились к работе кафедры со скепсисом. Скажем, Александр Феодосиевич Грязнов не принимал трактовку Витгенштейна Бибихиным. Бибихин в тот период читал отдельный курс по Витгенштейну, который посещал и Грязнов.

Он воспринимал эту трактовку скептически и считал, что в таком контексте даже нет места для серьезной полемики. Но это не значит, что он не уважал Бибихина как философа. Немногие профессора, в отличие от него, посещали эти лекции. Это, кстати, очень важная деталь, характерная для настоящей науки: ты можешь не соглашаться, ты можешь даже спорить, но ты уважаешь своего оппонента.

Мне и тогдашняя кафедра, и вообще тот период на факультете чем-то напоминают довоенную ситуацию в немецких университетах. Я как раз сейчас перечитываю книжку Нели Васильевны Мотрошиловой о Ханне Арендт и Хайдеггере. Она очень здорово описывает дух времени, поэтому я называю ее работу экзистенциальным романом. Молодой Хайдеггер, до 1933-го, целая плеяда талантливых ученых, находящихся в постоянной переписке и спорах... Все это напоминает наши реалии в конце перестройки. Жаль, что в обоих случаях история вынесла свой довольно печальный вердикт. Но тогда, в самом начале, кафедра развивалась бурно, к нам приезжали очень интересные западные интеллектуалы (мне запомнился, например, приезд Льва Копелева). Да, это был красивый проект. Красивый, но в каком-то смысле изначально обреченный перестать существовать в своем исходном виде.

Щипков: *Изначально обреченный?*

Миронов: Изначально обреченный на временное существование. Есть очень много вещей, которые не позволили бы ему просуществовать дольше: организация, смена поколений, необходимость выполнять рутинные работы. Сама наша система, где профессор должен отчитать часы, иметь публикации, этого не позволяет. Впрочем, это во многом характерно для всякого времени – даже Хайдеггера долгие годы не брали профессором по тем же формальным причинам: не было у него публикаций.

Щипков: *Значит ли это, что Вы считаете данный проект неудачным?*

Миронов: Я считаю его очень удачным, даже гениальным, но временным. Я думаю, что рамки его существования в такой модели можно отмерить следующим образом: от конца 80-х и вплоть до завершения работы на кафедре А.Л. Доброхотова. Были публикации, были лекции, были студенты, были ученики – все необходимое для того, чтобы считать его успешным. И наконец, даже сам факт нашей беседы говорит об этом.

Но система высшего образования, к сожалению, выстраивается очень жестко. А в жестких упорядоченных системах индивидуальность объективно не поощряется. Наша система образования, как мне представляется, излишне, что ли, огосударствлена. Я не против роли государства. В конце концов, оно финансирует. Но здесь было бы хорошо помнить о принципах классического университета. В этой модели государство финансирует, но не вмешивается в деятельность ученых. Рискует оно при этом, хотя бы финансово? Безусловно. Но много ли мы знаем в истории случаев, когда бы такой риск не оправдался и ученые в конечном счете не принесли государству пользу, как интеллектуальную, так и практическую? Иначе говоря, это можно совмещать и не скапываться в модель только частного или только государственного университета. Кембридж останется Кембриджем при любой власти, его не переделаешь. Там не будет никакого ЕГЭ и других резких образовательных реформ, не укладывающихся в рамки европейских традиций образования. У нас все иначе. Университету долгое время не давали самостоятельность, пытались вогнать его в общую модель. Только недавно, осознав ошибочность такой модели, выделили Московский и Петербургский университеты в отдельный блок. И это абсолютно верно, только степень свободы этих университетов также должна быть максимальной.

Ведущих университетов не должно быть много, может быть штук пять по всей стране. Они должны быть наделены абсолютным правом и абсолютной автономией. Надо научиться доверять тем институциям, которые, по сути, являются системообразующими элементами культуры. Западные государства, пытаясь построить то, что сегодня стало моделью классического университета, шли на риски: они давали деньги и при этом до поры до времени ничего не спрашивали.

Сегодня нам надо определиться. У нас и сейчас есть университеты, где можно было бы отбирать по ЕГЭ. Отбирать вообще можно по-всякому: можно по росту,

по весу, по прическе – это не принципиально. Но Московский университет, Санкт-Петербургский университет, некоторые другие – может быть, университет в Екатеринбурге, – они должны иметь особый статус, отличающийся от всех остальных, со своей системой отбора, своим дипломом и прочими статусными элементами. Многие не понимают, что только такой подход позволит добиться серьезных достижений в науке. Это то самое разнообразие, а не вымученное единство. Я вообще не могу понять, как можно обучать, например, философии по единому стандарту. Философия – это личностное знание. Вместо стандарта здесь должна присутствовать личность.

Щипков: *Но, как бы то ни было, кафедра Истории и теории мировой культуры продолжает работать.*

Миронов: Да, преемственность сохраняется, изменились некоторые подходы, но на кафедре работают прекрасные профессионалы – достаточно назвать Вертоградову, Кротова, Свицерскую, Бородай, Лунгину, Шишкова. К сожалению, основатели кафедры, уже ушедшие в мир иной, не сумели создать свои школы на факультете и в университете. А именно этого мы все от них и ждали. Думаю, что просто времени не хватило. Но кафедра продолжает жить, и работающим на ней преподавателям, студентам и аспирантам предстоит решать проблемы, относящиеся в первую очередь к сфере философии культуры. Для того чтобы культурология как наука продолжала существовать, нужна концептуальная схема, которая обязательно должна начинаться с ответа на вопрос: что же такое культура? Пока эта методологическая задача остается нерешенной.

Сведения об авторе

ЩИПКОВ Николай Александрович – магистр культурологии, ст. преподаватель Российской академии живописи, ваяния и зодчества И. Глазунова.

Author's Information

SHCHIPKOV Nikolay A. – Master in cultural studies, Senior lecturer at the Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture.